

*«Культурное наследие России и современный мир»,  
Лондон (Великобритания), 17–24 октября 2015 г.*

*Культурология*

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ  
В СИСТЕМЕ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ  
РОССИЯН**

Солдаткин А.А.

*ФГБОУ ВПО «Российская академия народного  
хозяйства и государственной службы при  
Президенте Российской Федерации», Балаковский  
филиал, Балаково, e-mail: dir.ranhigs.bf@gmail.com*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изменением базовых ценностей россиян под влиянием интенсивных миграционных процессов и следующим за ним ростом этнокультурного разнообразия. В современных геополитических условиях проблема этнокультурных меньшинств, представляющих, в основном, этнические миграционные сообщества, актуализировалась во всем мире и особенно в России, поскольку она связана с ростом этнического самосознания как принимающего населения, так и миграционных сообществ. В данных условиях, особенно на локальном уровне, принципиально важным видится поиск и разработка общих принципов взаимной интеграции, таких как: общий язык, общие интересы территориального сообщества, общие цели, которые способствовали бы формированию единой российской нации. Уточняется необходимость формирования гражданской идентичности. Очерчивается роль государства как основного актора идентификации.

В России проживают более 160 представителей разных национальностей и религиозных конфессий. Все граждане Российской Федерации имеют одинаковые права на сохранение своей культуры, языка, религии на основе зафиксированного положения Конституции [1].

После распада СССР Россия стала этнически более однородным государством, однако проблемы этничности и миграции не только не утратили свою значимость, но, напротив, приобрели новое звучание во всех сферах жизни общества, став одними из базовых ориентиров становления ценностей граждан.

Формирование «прозрачных» государственных границ (путем создания различных международных блоков и коалиций), и возрастающие за этим миграционные процессы привели к потере прежних национально-территориальных идентификаций и, как следствие, к усилению роли этнокультурного (как и земляческого) статуса на индивидуальном и групповом уровнях, на основе которых происходит формирование национально-культурных общин, диаспор.

Здесь важно отметить, что в современных условиях, с одной стороны, актуализируются глобализационные процессы и связанные с ним процессы миграции, роста культурного разнообразия, а с другой стороны, повышается важность социально-экономических различий регионов(территорий) и культурного своеобразия местных практик, основанных на микшировании исходной и «привнесенной» этнической, лингвистической и поведенческой культуры [3].

В этих условиях, проблема этнокультурных меньшинств, представляющих, в основном, этнические миграционные сообщества, актуализировалась во всем мире, и особенно в России, поскольку она связана с ростом этнического самосознания, как принимающего населения, так и миграционных сообществ. На постсоветском пространстве эта проблема воспринимается остро еще из-за того, что распад Советского Союза привел к появлению, по сути, политического вопроса: гражданами какого государства они должны стать «иммигранты», т.е. будут они мигрантами, нацеленными на натурализацию (принятие гражданства, культуры и языка), временными жителями (трудовыми мигрантами) или станут этническими меньшинствами в государствах, в которых они живут, лоббируя интересы страны исхода.

В современной науке, и правоохранительной, законодательной практике, в настоящее время нет четких определений «этнос», «народ», «национальное меньшинство», которые должны иметь вполне определенный юридический, политический и социальный смысл. Основным критерием определения этнических меньшинств в России, как правило, на уровне федеральной и региональной политики является чисто количественные характеристики, позволяющие определить типы групп, которые в международной правовой или социальной практике могут быть отнесены к этническим меньшинствам. Важным аспектом также является представленность этнокультурных меньшинств в публичной и политической сфере конкретного территориального сообщества. В этих условиях вопрос адаптации, интеграции инокультурных мигрантов в принимающее сообщество остается актуальным, определяющим внутреннюю миграционную и этнокультурную политику как страны, так и отдельных регионов [6].

В современной геополитической ситуации, когда происходит динамичное видоизменение конфигурации социальных, культурных, экономических отношений как в России, так и ближ-

нем зарубежье ключевым фактором становится формирование единой этнокультурной идентичности россиян, как носителей гражданской культуры.

Опираясь на результаты исследований, можно констатировать, что в настоящее время происходит активное неприятие (отрицание) инокультурных ценностей и норм поведения [5], противоречащих доминирующим, инкорпорирующим и индокринирующимся посредством СМИ в группе большинства. Это находит отражение в различных формах проявления ксенофобии и мигрантофобии, создавая тем самым ограничения на активное включение иммигрантов в принимающее сообщество.

Так, например, иммигрант, ориентированный на инклюзию в местное сообщество, чаще ориентируется не столько на поддержку со стороны принимающего сообщества (социальных, политических и юридических институтов), сколько на собственные социальные сети, при этом, полагая, что принявшая (включившая) его социальная сеть (этнокультурная община, диаспора) – единственно возможное пространство-место его взаимодействия и существования, – он боится в отношении соотечественников стать «чужим», потерять «нужную идентичность», быть выброшенным из сетевого сообщества, которая предоставляет необходимые ресурсы. За этим восприятием стоит убеждение, что все включенные в сеть обязаны разделять одни и те же этнокультурные ценности, следовать «общепринятым» в данной среде нормам поведения, поскольку эти, лежащие на поверхности символические ценности являются, на его взгляд, главным критерием, определяющим включение/исключение из сети и позиционирующим его как «свой-чужой». Более того, в условиях агрессивного принимающего инокультурного окружения, каковым являются современные поселения России и в условиях, когда внешней социальной средой непрерывно подчеркивается инаковость мигранта, происходит восприятие иных культурных традиций и норм через призму угрозы.

С другой стороны, местное население, испытывая достаточно высокий уровень конкуренции на рынке труда, испытывает негативное отношение к мигрантам, и каждому проступку недавно прибывшего придается этническая окраска. Практически любой бытовой конфликт, на уровне повседневной жизни описывается в категориях национальности, либо территориальности («свои» и «чужие»).

Описания проступков, в том числе и в СМИ сопровождается конотацией – «они не хотят жить по нашим законам», из-за этого «страдают наши (местные) интересы». Неудачные попытки совместных с национально-культурными центрами акций приводятся в пример неспособности интеграции со стороны мигрантов, а не местных жителей. Готовность и способность

местного населения к взаимной интеграции, как правило, даже не рассматривается, будь то статьи в СМИ или Концепции национальной политики[2]. Априорно, большинством населения предполагается, что усилия по интеграции должны исходить только от мигрантов, не допуская даже потенциальной возможности видоизменения своих собственных ценностно-мотивационных установок, которые могут способствовать росту взаимного доверия и позитивным интеграционным практиками.

Таким образом, под влиянием интенсивных, негативных внешних факторов в отношении этнокультурных миграционных сообществ происходит «стягивание» контактных зон, происходит снижение интенсивности межгрупповых контактов и их значимости. Отношения с мигрантами, выталкиваемыми на периферию общественной, социальной и политической жизни, складываются предельно инструментально и включают в себя только минимум непосредственных контактов. В поле социального действия между мигрантами и принимающим населением остаются лишь «буферные точки» – люди, либо небольшие группы людей, которые пользуются относительным доверием как с одной, так и с другой стороны. Это своего рода информационные «посредники», как правило, тесно включенные в систему, главной функцией которых является урегулирование отношений между группой (общиной) и лицами, действующими от имени местного населения [4, с. 101].

В современных условиях формирования российской нации, особенно на локальном (местном) уровне, на наш взгляд, принципиально важным видится поиск общих принципов взаимной интеграции, таких как общий язык, общие интересы территориального сообщества, общие цели. Для того, чтобы заработали механизмы взаимной аккультурации, направленные на единение всех граждан России, критически необходимо, чтобы эффективно работали механизмы социального гражданства, формирующие диффузный процесс взаимоотношений и взаимной интеграции. Данный подход характеризуется двусторонним движением, когда меняются как представители одной культуры, так и другой. Это приводит к определенной гибридизации и выработке легитимной соционормативной культуры. Диффузное движение важно не как способ отказа от каких-то своих этнических корней, истории, языка, культуры, а в смысле приоритета социального (гражданского) над этническим, сближения (со)общества на основе общих целей и интересов.

Принципиально важным в этих условиях является утверждение российской идентичности и целостности российской нации – российского народа на основе общего историко-культурного наследия, межкультурного комплекса социальных отношений, вобравшего в себя традиции

и культурные достижения всех российских национальностей. Российская идентичность должна формироваться на основе представления об исторически существующем едином народе, который ныне представляет собой гражданскую нацию. Российская нация состоит из граждан, которые помимо общероссийских ценностей и общих характеристик имеют свои региональные, этнокультурные и религиозные различия. Поддержка и различие этих форм идентичности среди россиян не противоречит идее российского единства, а составляет ее неотъемлемую часть [7].

При всей сложности текущей этнополитической ситуации необходимо исходить из того, что гражданское самосознание в России пока еще находится в стадии становления. Необходимо признать, что в современных условиях главной проблемой является не этнокультурное многообразие (ее рост, за счет интенсивных миграционных процессов, и ее динамика трансформации), а социальное расслоение, наличие большого числа людей, живущих за чертой бедности, отсутствие консолидированного среднего класса, большая разница в уровне жизни в разных регионах. Масштабы социального неравенства препятствуют формированию социальной основы для формирования гражданского общества и, соответственно, гражданского сознания. В тоже время, очевидно, что гражданское общество развивается и, учитывая достаточно высокие темпы этого развития, для упрочения

гражданской солидарности от властей любого уровня требуется системность, последовательность и преемственность действий. Непоследовательные действия местных властей даже на местном уровне воспринимаются обществом как слабость государства.

Соответственно, одним из главных усилий региональных властей в субъектах России должна быть ориентация на то, чтобы «топография» бедности не совпадала с этнической картой. Следует учесть, что этнокультурное своеобразие зачастую проявляется на селе, в малом городе, локальном социуме, и именно эти небольшие территории являются зонами потенциального социального, экономического, и этнокультурного неблагополучия.

#### Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, 1993 г.
2. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Указ Президента Российской Федерации от 15.06.1996 N 909.
3. Малахов В. Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт. – М., Московский центр Карнеги. – 2001. – С. 115–137.
4. Мокин К.С. Групповые стратегии интеграции этнических миграционных сообществ. – Саратов, 2006. – С. 101.
5. Результаты проекта «Депривационный анализ факторов этносоциальной напряженности», Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 12-33-01026 (рук. – д.соц.н. К.С. Мокин).
6. Соколовский С.В. Перспективы развития Концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. – М.: ИЭА РАН, 2004. – С. 91.
7. Тишков В.А. И русский и российский / Вестник российской нации. – 2009. – № 2(4). – С. 85–98.

*«Современная социология и образование»,  
Лондон (Великобритания), 17–24 октября 2015 г.*

#### Педагогические науки

#### ПРОБЛЕМЫ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ

<sup>1</sup>Жолдасбекова Б.А., <sup>1</sup>Аширбаев Х.А.,  
<sup>1</sup>Конашева Р.А., <sup>2</sup>Сманова Б.И., <sup>2</sup>Жолдасова А.А.

<sup>1</sup>Южно-Казахстанский государственный  
университет им. М. Ауэзова, Шымкент,  
e-mail: abeke56@mail.ru;  
<sup>2</sup>КИПУДН, Шымкент

Проблема активности личности в обучении – одна из актуальных в психологической, педагогической науке, так и в образовательной практике.

Проблема активности личности в обучении как ведущий фактор достижения целей обучения, общего развития личности, профессиональной ее подготовки требует принципиального осмысления важнейших элементов обучения (содержания, форм, методов) и утверждает в мысли, что стратегическим направлением активизации обу-

чения является не увеличение объема передаваемой информации, не усиление и увеличение числа контрольных мероприятий, а создание дидактических и психологических условий осмысленности учения, включения в него учащегося на уровне не только интеллектуальной, но личностной и социальной активности.

Уровень проявления активности личности в обучении обуславливается основной его логикой, а также уровнем развития учебной мотивации, определяющей во многом не только уровень познавательной активности человека, но и своеобразие его личности [1].

В соответствии с традиционной логикой обучения, включающей такие этапы, как первичное ознакомление с материалом, или его восприятие в широком смысле слова; его осмысление; специальную работу по его закреплению и, наконец, овладение материалом, т.е. трансформацию его в практическую деятельность [2].